Герцог понимает, что я закончила, и встает. Он подходит к камину, берет полено и разжигает огонь.

«Ты хочешь, чтобы я показал, что ценю тебя, не так ли? – спрашивает он, глядя на огонь.

«Мне нечего предложить тебе взамен, но я сделаю так, чтобы оно стоило того» - шепчу я. Я смотрю на свои пальцы, надеясь, что мои слова не последние, что я скажу в этом холодном дворце.

Когда на мои плечи падает шаль, я вздрагиваю от удивления и испуга. Я до последнего не замечала шагов герцога и не могла оторваться от его нежных рук.

«Откуда ты знаешь, что я приказал служанкам следить за тем, чтобы тебе было тепло?» - он шепчет мне на ухо. Его дыхание касается моей кожи, и его волосы щекочут мою шею. Я поворачиваюсь к нему и открываю рот, чтобы возразить. Но в последнюю секунду меняю решение.

«Это было очевидно, - говорю я. – Слуги вечно бегают вокруг с одеялами и накидками, и не выпускают меня, если я не надела чулки. Я не думаю, что у каждой знатной женщины есть такие же внимательные служанки.»

«Ты жила в более теплом месте, так что будь осторожна» - продолжает он.

Кроме того, я часто жаловалась на сквозняки и холодные комнаты в Полисе. Здесь температура ниже, и мой статус отличается. Я бы мерзла, если бы не слуги. Я не привыкла сама о себе заботиться, ведь у меня всегда были верные слуги.

В конце концов, герцог действительно думал обо мне. Даже если он не приходил в мою комнату, он не забыл меня. Он даже расспрашивал слуг о моих увлечениях.

Что еще я наговорила сегодня? Ах, фрейлина!

«Есть еще кое-что, - говорю я. – Я сказала, что вы все еще выбираете для меня фрейлину. Мне не нужен кто-то особенный, главное, чтобы она не слишком много болтала. Все же я не должна слишком долго оставаться без нее. Это может запятнать вашу репутацию.»

«Разве я не тщательно обдумал этот вопрос?» - отвечает он с ухмылкой. Так горничная не забыла упомянуть и об этом. Мне не позволено даже дышать без ведома герцога. Я стискиваю зубы, подавляя растущее во мне раздражение.

Лучше не показывать этого, но я все еще должна избавиться от этой дюжины маленьких шпионов.

«Кроме того, меня беспокоит, что мои слуги докладывают вам о каждом моем шаге! Мне бы хотелось побыть наедине. Я обещаю, что у меня не будет секретов от вас. Нет никакой необходимости окружать меня своими шпионами.»

«Они не мои шпионы, - смеется он. – Всего лишь дворцовые слуги.»

«Это так?»

«Теперь, когда у меня есть время, я позабочусь обо всех делах, которые мне пришлось отложить относительно моей герцогини. Все в порядке?»

«Разве у вас будет время?» - я бросаю ему вызов. За целую неделю он ни разу не поздоровался со мной! Как я могу поверить, что он изменит свое отношение?

«Ты свободна завтра?»

«У меня нет никаких обязательств. После сегодняшнего дня я не планирую посещать эти встречи в ближайшие дни.»

«Я пришлю к вам моих помощников, и мы поищем фрейлину. Может, я еще что-нибудь забыл?

«Я так не думаю» - шепчу я и поворачиваюсь к кровати. Я бы с удовольствием поспала, но ведь это я попросила герцога остаться. Он рассердится, если я его потороплю?

Это был долгий день. После чаепития я провела вечер в гневе и депрессии. Узнав, что герцог не сердится на меня из-за моего поведения, вся энергия, которая поддерживала меня в течение дня, исчезла.

Может быть, мне стоит сначала подойти к герцогу. Таким образом, я смогу добраться до кровати. Я вздрагиваю при мысли о том, что снова почувствую эту странную боль. Я уже сказала, что не буду отвергать его, но я не хочу снова истекать кровью. Но я не смогу убежать от него. Может мне не стоило просить о еженедельной встрече. Мне едва хватит семи дней, чтобы привести себя в форму. Раз в две недели было бы лучше.

Однако что сказано, то сказано, и обещанное не может быть взято обратно.

Герцог замечает мое беспокойство, но неверно истолковывает мои мысли.

«Холодно, иди спать» - шепчет он.

Я со вздохом следую его приказу.

«Я видел твои рисунки, - говорит герцог, ложась рядом. – Они такие…. Интересные!»

Я вежливо улыбаюсь, вспоминая пятна на холсте. Раньше у меня не было времени на рисование, как у других аристократок. Так как я не была уверена в результате, то провела время, смешивая различные цвета. Результаты были не столько впечатляющими, сколько ужасающими. Рисунок был кошмарным, в буквальном смысле.

«Я рисую свою душу! – восклицаю я с улыбкой. – Суматоха войны, а затем этот брак, который спас мне жизнь… Я хотела изобразить все на одной картине.»

«Твоя душа? – ошеломленно переспрашивает герцог. – Ты увлекаешься абстрактным искусством…»

Я киваю, довольная тем, что он принял эту версию, не задавая лишних вопросов. Разве лгать герцогу – такое большое преступление? Неужели герцог отрубит мне голову, если узнает, что я ничего не смыслю в рисовании?

«Я еще раз посмотрю на них, и скажу, похоже ли это на твою душу.»

Я вздрагиваю, не обращая внимания на то, как бьется мое сердце. Герцог не мог так быстро принять решение, верно? И он не примет это близко к сердцу, не так ли?

«Я могу нарисовать и вашу душу, если вы дадите мне понять ее» - говорю я, притворяясь такой

же спокойной, как и в начале разговора. Мне следовало сменить ее, но я поняла, насколько нелепа, только закончив предложение.

Герцог поворачивается ко мне со странным выражением лица. Я сглатываю, понимая, что зашла слишком далеко. Этот проклятый язык! Надеюсь, он не отрежет его только потому, что я не могу перестать говорить глупости…

Я поворачиваюсь к герцогу. Он смотрит на меня так, что у меня разрывается сердце.

«Я не имела в виду ничего плохого, - шепчу я, стискивая простыни и широко открывая глаза. – Простите, что употребила неподходящие слова. Я больше никогда не посмею…»

Я пытаюсь успокоить его, но он реагирует совсем не так, как я надеялась. С каждым моим словом, его лицо темнеет, так что я замолкаю и сажусь. Моя нижняя губа дрожит, а глаза щиплет.

Что теперь со мной будет? Мне следовало признаться, что не умею рисовать, но я не хотела, чтобы он смотрел на меня свысока.

В роли жены я провалилась: мне приходится говорить о нарядах и драгоценностях, я не умею ни шить, ни рисовать. Я не играю ни на одном музыкальном инструменте. Все, что я умею – это писать доклады о политике и управлять государством.

«Что ты только что сказала?» - спрашивает он холодным голосом. Он смотрит на меня так сурово, что мой живот болезненно сжимается, а спина начинает потеть.

Клянусь, я чувствую дыхание смерти на моей шее. Я так хорошо жила эту неделю, что забыла, что моя жизнь зависит от настроения этого человека.

«Эта пленница сожалеет. Я сделаю все, что ваша светлость сочтет нужным, чтобы исправить мои ошибки» - продолжаю я, склонив голову. Я могу только надеяться, что он не причинит мне слишком много боли. Он в ярости, я чувствую это, даже не оборачиваясь.

Я сглатываю, и мои глаза наполняются слезами. Одна капля скользит по моей щеке, но, к счастью, по той стороне, которую не видит герцог.

Я украдкой смотрю на него. Он все еще злится, и мои слова не дают никакого эффекта. Я не знаю, как просить пощады. Я не видела, чтобы кто-то так делал. В Полисе такое случалось не часто. И даже когда это произошло, то не изменило моего решения.

Может быть, когда жена просит мужа пощадить ее, это другое? Я не хочу умирать так глупо.

Должна ли я встать на колени и умолять о пощаде?

http://tl.rulate.ru/book/52962/1355852